

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК **НОВАЯ ЭРА**

Цикл
Рафаэля Дамирова

КУРСАНТ

Курсант: Назад в СССР

Курсант: Путь мента

Курсант: Дело душителя

Курсант: Спецотдел МВД СССР

РАФАЭЛЬ ДАМИРОВ

**КУРСАНТ:
СПЕЦОТДЕЛ
МВД СССР**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д16

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 56

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дамиров, Рафаэль

Д16 Курсант: Спецотдел МВД СССР: роман / Рафаэль Дамиров. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-163036-2

В далеком 1978 году попаданец Андрей Петров по прозвищу Курсант обезвредил маньяка-душителя. Он обрел друзей и делает карьеру в местном УВД, твердо намереваясь поступать в Новоульяновскую школу милиции. Казалось, что жизнь наконец вошла в размеренное русло. Но судьба снова преподносит испытания.

Впереди его ждут приключения в Сибири. В составе московской спецгруппы он направляется в солнечную Хакасию, чтобы попытаться раскрыть одно из самых чудовищных преступлений...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-163036-2

© Рафаэль Дамиров, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

— Проходи, увидишь, — загадочно улыбнулась мать.

Я разулся и поспешил на кухню. За столом, заставленным нехитрой закуской, сидел... Я замер, раскрыв рот. В первое мгновение не смог ничего сказать... Я сразу узнал его. Он улыбнулся и встал мне навстречу, распахивая объятия:

— Ну здравствуй, сынок...

Я подошел к совершенно чужому человеку, но почему-то внутри проснулось неведомое чувство. Будто знал я его всю жизнь, будто родная кровь. Удивительно, но я его вдруг вспомнил.

Только раньше он был немного другим. Не поблескивали сединки на вьющихся, как у молодого Ильича, волосах. Меньше было морщин, и лицо было не такое худое. А вот очки были всегда. По работе ему никак без очков, пи-сарь же.

Стоп! Откуда я знаю, что он журналист? Видно, знакомый образ помог пробудить глубины памяти реципиента. Да! Точно! Мой отец —

акула пера. Все это пронеслось в моей голове за секунду, пока я подходил к нему.

Он сграбастал меня в объятия. Для мужика под пятьдесят отец выглядел слишком стройным. Даже худым. Но объятия по-мужски крепкие. Ростом батя оказался на полголовы ниже меня. Одет неброско, но опрятно.

— Ого, — воскликнул он, чуть отстраняясь от меня, держа за плечи и разглядывая. — Какой ты здоровый стал, Андрюха! Глазам не верю! Ты ли это?

— Ну ты бы еще лет через десять приехал, — вставила веское слово мать. — Совсем бы не узнал. На двух работах вкалывала, чтобы тянуть. Зато сейчас сынок работает. А ты явился, как всегда, на все готовенькое.

В голосе матери не было злобы, а лишь грустный упрек. Она тоже светилась и радовалась возвращению папаши. Хоть при мне и старалась это сильно не показывать.

— Прости, сынок, на пять лет вас бросил. Не по своей воле. Все расскажу. Но, черт побери, как же ты вымахал! — он снова меня обнял. — Садись, выпить не предлагаю, мал еще. Или можно по чуть-чуть? — хитрые серые глаза уставились на мать, а жилистая рука потянулась к бутылке «беленькой», которая уже была наполовину пуста.

Мать нахмурилась и неодобрительно глянула на отца. Для нее я до сих пор был абсолютно непьющим юнцом. Даже сейчас она не заметила,

что я немного подшофе после встречи с друзьями. Употреблял я нечасто. Пару-тройку раз в месяц, по случаю, и до сих пор как-то удавалось особо не афишировать это перед матерью.

— Да ладно тебе, Поля, — отец взял жену за руку. — Батя вернулся. Стопку можно. Уже в милиции работает, сама говорила. Совсем большой. А менты бывают либо честные, либо непьющие. Так что выбирай, кто у нас сын.

— Явился через столько лет! — продолжала упрекать мать, но делала это скорее по инерции, нежели по необходимости. — Где тебя носило? Я похоронила тебя уже давно. Вещи в комиссионку все твои сдала. Злая на тебя была. Ни письма, ни телеграммы за столько времени.

— Не мог я в город вернуться, сама знаешь, что крышка мне бы была. И писать боялся, чтобы вас не подставлял. Так и рассчитывал, чтобы забыли вы меня. Из жизни вычеркнули. Но все изменилось...

— Ладно, я спать, — мама покачала головой и чмокнула нас по очереди. — Вы еще посидите, поговорите, но долго не засиживайтесь. Еще успеете наговориться. Вся жизнь впереди.

— Спокойной ночи, Полина, — отец подмигнул ей. — Сильно крепко не засыпай. Мы еще немного отпразднуем мое возвращение, и я скоро приду. Одеялком укрою.

Мать ушла в комнату, прикрыв на кухне за собой дверь, а отец, понизив голос, заговорщически продолжил:

— Слава богам и другим генсекам, что все благополучно разрешилось, и моя многострадальная тушка наконец очутилась в родных пенатах, чтобы спокойно лицезреть любимого сына. Фу-ух, сынок, еще не привык, что ты взрослый мужик... Ну, скажи что-нибудь!

— Почему ты не мог вернуться раньше? — я с любопытством разглядывал отца, пытаюсь понять, что он за человек.

Мозолистые ладони и заскорузлые пальцы — явно не от журналистской работы. Одет в затертый спортивный костюм, который когда-то был синим, а сейчас выцвел и поблек. На алкаша или другого несознательного элемента он совсем похож не был. Скорее, на партизана или ссыльно-го, которому много лет приходилось жить в глуши и прятаться от властей.

Отец поморщился, в глазах его промелькнула злость. Но она быстро сменилась на хмельное радушие. Не мог он долго злиться при сыне.

— Чертов Гоша столько лет охотился на меня, а когда нашел, то почему-то вдруг предложил мировую. Не он сам, конечно, а его люди меня достали. Бывает же такое. Получается, зря я под Красноярском на таежной заимке комаров кормил? Остыла его вражда за лета.

— Гоша? — Челюсть моя отвисла и не хотела вставать на место.

Отец, воспользовавшись моим замешательством, плеснул мне полстопки.

— Гоша Индия! — отец поднял свою стопку навстречу мне. — Скверный мужик и мстительный. Одноклассник мой. Всю жизнь по темной дорожке кривенькой путь держал. Зуб на меня точил. Я же Полину у него в старших классах увел, — отец с гордостью упомянул мать. — Но и я не промах. Когда он еще фарцовщиком зеленым был, я его дружинникам сдал. Потом Гоша валютой занимался, я уже в газете работал, так я про его тайные точки в криминальной хронике написал. Много у меня информаторов тогда было. После статьи точки эти все и накрыли, а Гоша выкрутился. Не сдали его посредники, побоялись. А я — я не боялся и продолжал воевать с ним. Уже потом, когда он совсем развернулся, я про его подпольный катран статейку накидал, пять лет назад это было. Скандал был тогда знатный. Главный редактор в отпуске был, и я вместо него газетой местной рулил. Не упустил момент. Сам свой материал выпустил в печать. Что тогда началось!

Отцу явно не терпелось выговориться, слова о той давней истории выскакивали одно за другим:

— Пришли люди в серых костюмах и заставили опровержение писать, гады. Дескать, в советском городе нет и не может быть никаких подпольных казино! Представляешь? Но я-то сразу понял, что контора с Гошей заодно. Делишки у них общие, наверное. Зачем-то же вступились они за катран. Послал я их куда подальше и с ра-

боты уволился. Думал, в грузчики пойду или, на худой конец, учителем. Но гады мне жизни не дали. Репутацию такую мне сделали, что даже в дворники бы не взяли. А тут еще бандюки Гошины меня в лес вывезли и хотели прикопать в чаще. Дали лопату, чтобы могилу рыл. А сами сигареты смолили и меня матюгали, поторапливали. Мол, скоро матч футбольный по первому начнется, им надо похоронные дела до трансляции успеть закончить. Только это я с виду хлипкий. Даром что журналист. Я ведь в студенчестве многоборьем занимался. Вдарил я лопатой по башке одному, второму по хребту огрел. Они думали, раз писака, значит, мужик никакой, квелый совсем, и пистолеты доставать не нужно вообще. А потом поздно было. Отходил я их лопатой и деру. Вот с тех пор и прятался. И от конторы, и от Гоши. Думаю, мои похороны они между собой согласовали и на венок вместе скидываться собирались.

Родитель замолчал и занялся бутербродом, предпоследним на тарелке. Я все еще не сводил с него внимательного взгляда.

— Это вряд ли, — покачал я головой. — Гоша сам не знал, что контора его крышует. А тем картан нужен как источник оперативной информации. Клиенты в казино интересные ходят. От фарцовщиков до номенклатурщиков и разного рода хозяйственников. Все сферы у Гоши в картане концентрируются. Как на ладони становятся. У конторы свои люди там — в картишки

наравне со всеми играют и беседы ведут непринужденные с проворовавшимися управленцами и другими не совсем законопослушными гражданами. За веселой игрой много чего интересно можно выведать. Информационный клондайк получается.

— А ты откуда все это знаешь? — от удивления отец даже забыл, что нужно огурец соленый, который он на вилку нанизал, в рот положить. Так и замерла его рука с закуской в воздухе.

Я вдруг вспомнил слова Гоши, которые он произнес в ту ночь, когда его головорезы похитили меня и привезли к нему на дачу: «Ты сын своего отца. Яблоко от яблони... Ты такой же, как он. Даже хуже. Умеешь притворяться. Казаться слабым. Выжидаешь момент и бьешь первым...»

Оказывается, с моим отцом у них старые счеты. Но катала ничего мне про это не говорил. И, естественно, не рассказывал, что искал его. А моя мать в школе встречалась с Гошей, получается? Тогда почему, когда он звонил мне на домашний, она его не узнала? Наверное, в школе его звали не Гоша, а как-то по-другому. Гоша Индия — это его прозвище. Все забываю у него спросить, почему «Индия»? Вот блин... Теоретически Гоша мог стать моим отцом? Хотя нет. Там был бы уже другой человек. А теперь, получается, Гоша забыл про давнее соперничество и простил отца. То-то вчера в ресторане он сказал, что стал сентиментальным. Я тогда не по-

нял его слов. А теперь все встало на свои места. Он так ничего и не рассказал мне про отца. Сказал, что это будет сюрприз для меня, и что скоро я с ним встречу. Но что настолько скоро, я никак не ожидал.

Я рассказал отцу в подробностях про свою насыщенную жизнь за последние несколько месяцев. С момента окончания школы и до сегодняшнего дня. Почему-то интуитивно был уверен, что ему можно доверять. Человек он, конечно, неоднозначный, но честный. Это чувствовалось.

С каждой моей фразой глаза его становились круглее, а не по-мужски аккуратные брови все выше заползали на лоб. Иногда он тряс головой и энергично потирал виски, будто проверял, не сон ли это.

— погоди! — отец налил себе еще, а меня пропустил. — Я правильно понял? Ты поймал маньяка? Того душителя, что прогремел на весь Союз?

— Ну, я был не один, целая команда. Но задержал его я. Правда не совсем живым.

— С ума сойти! — отец опрокинул стопку, крикнул и захрустел огурцом. — А в милицию тебя взяли после нападения во дворе трех головорезов? На которых думали, что они от Гоши? Так?

— Да, они караулили меня в подъезде, когда я возвращался ночью от Зины Роговой.

— Стоп! Ты встречался с дочерью Гоши?

— Было дело...

— Ну, сын. Ну ты даешь! Ого... А потом тебя, получается, спасли конторские? Хулиганов разогнали, но не догнали и не задержали? И в милицию тебя пропихнули, чтобы Гоша якобы тебя не достал?

— Ну да.

— Не стыкуется, сын. Если напавшие были не от Гоши, конторские всяко бы это знали. В конце концов, они могли их поймать. Пистолеты им для чего были даны? Тебя даже порезали, так что, сам понимаешь, имели право ребятки оружие применить.

— Ты думаешь, что...

— Именно, сын! Это их люди на тебя напали. А они типа спасли... Постановка, как на Бродвее.

— Но зачем?

— Чтобы ты сговорчивее был и сразу согласился в ментовку пойти работать.

— Все равно не пойму, какой им резон в этом. Я бы и так туда пошел.

— Все просто! Ты сын опального журналиста в бегах. Меня найти не смогли. Но со счетов меня не скинули — видно, опасались, что еще что-нибудь такое выдам, от чего многие головы полетят. Я бы так и сделал, но побоялся, что на вас это отразится, — при этом он очень гордо, хоть и с горечью посмотрел на меня. — У нас же как принято? Пресса должна быть шестеренкой в идеальном госмеханизме. Элита политическая образовалась мощная, чтоб холера ее взя-

ла, и это при нашем-то задекларированном равенстве. А мы, простые журналисты, должны были их обслуживать и народ убаюкивать, но для напускной справедливости культ личности было разрешено развенчивать, а тех, кто сейчас застоялся у власти, трогать никак нельзя. И еще пресса просто обязана прославлять советского гражданина, который всегда честен и непреклонен, на целую голову выше бездуховных представителей прогнившей европейской цивилизации. Ты послушай, что сейчас по радио крутят? Только успехи и перспективы СССР. Но не все так гладко у нас в Союзе, сын. Только об этом никто не говорит.

Я кивнул, и это отцу понравилось. Понял, что сын тоже не через радужные очки на жизнь смотрит.

— А я не молчал, пока молодой был. А потом ты родился, и я немного приутих. Но под колпаком так и остался. Бдили за мной люди из здания с горгульями. А ты, получается, после окончания школы перед ними сразу и засветился. Валютчиков задержал, участкового полем-лесом отправил, дебоширов в вино-водочном наказал. Избил подручных Гоши Индии возле пивбара. После вскрыл мухлеж в катране и пытался опять же вывести шулеров на чистую воду. Поняли конторские, что ты яблоко от яблони, и устроили тебя в милиции. Ты там как рыбка в аквариуме стал — у всех на виду, и энергию свою с пользой тратить будешь. Так проще кон-

тролировать Петровых. И сына, и отца. Знают, что я ва-банк не пойду, пока сын в органах работает.

— Ты хочешь сказать, что нападение на меня было инсценировкой?

— Скорее всего. Сам подумай, если это был не Гоша, то кто? После того случая никто же на тебя не покушался больше?

— Нет.

— Вот и ответ на твой вопрос. Не смогли нас придушить, так к себе на службу взяли. Хитро придумали. Молодцы...

— Вообще-то я всегда хотел работать в милиции.

— Сказать честно, я бы такого не предположил, нигде в тебе мента тогда видно не было. Впрочем, это ж когда, пять лет назад... Тем более, вот и сообразили они, как тебя под лупой держать. Но теперь ты, конечно, герой и поступками доказал, что диссидентствовать совсем не собираешься, на баррикады не полезешь. Вот и отстали они от тебя. Больше не навешиваются. А я за пять лет своей «безупречной» жизни ни одной статьи не накропал. На золотом приiske спокойно сторожем проработал. Пока однажды меня подручные Гоши не нашли и не сообщили, что хозяин их претензий вдруг ко мне не имеет и все старое готов забыть, если катран я его больше славить не буду и вообще забуду про его делишки. Я, конечно же, сразу согласился, это же билет домой. Ехал сюда и думал,